

Никонова Екатерина Андреевна

Преподаватель,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)
E-mail: ekatnikon2014@yandex.ru

Nikonova Ekaterina Andreevna

Lecturer,
Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russia)
E-mail: ekatnikon2014@yandex.ru

**СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭССЕ
И АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ)**

**MODALITY IMPLIMENTATION
IN MEDIA TEXTS
(BY THE EXAMPLE OF POLITICAL
ESSAY AND ANALITICAL
ARTICLE)**

Аннотация. Анализируется степень и специфика влияния политического дискурса на политическое эссе и аналитическую статью англоязычной качественной прессы. Обоим жанрам присущи информационная и воздействующая функции, реализуемые за счет объективной и субъективной модальности. Под влиянием политического дискурса происходит усиление воздействующей функции в обоих видах текстов, при этом в жанре «эссе», который по своей природе более субъективен, также проявляется манипулятивная функция. Функциональная специфика жанров влияет на средства реализации субъективной и объективной модальности. В результате в аналитической статье усиливается присутствие ярких языковых средств (метафора, эпитет, эмоционально-оценочная лексика), в то время как в политическом эссе данные языковые средства становятся преобладающими и занимают половину всех средств реализации субъективной модальности.

Ключевые слова: аналитическая статья, политическое эссе, политический дискурс, субъективная и объективная модальность, публицистический текст, дискурс СМИ, англоязычная качественная пресса

Abstract. The article analyzes the degree and specific character of the political discourse impact on a political essay and an analytical article of English quality press. Both genres have the influencing and informational functions. These functions are carried out through the implementation of subjective and objective modality. Under the influence of political discourse, we observe the promotion of the influencing function in both types of texts and, also, the existence of the manipulative function in the essay genre which is more subjective in itself. The functional specific character of genres influences the means of subjective and objective modality implementation. As a result in the analytical article one observes the more frequent presence of bright language means (metaphor, epithet, emotional-evaluative lexis) while in the political essay these language means become prevailing and occupy the half of all the means of subjective modality implementation.

Keywords: analytical article, political essay, political discourse, subjective and objective modality, journalistic text, media discourse, English quality press

Введение

В настоящее время все больше становится ощутимым взаимопроникновение политического дискурса и медиадискурса, их постепенное сращивание. Так, современные исследователи отмечают, что «политическая сфера и медиа настолько переплелись между собой, что разделить их не представляется возможным» [8, с. 48], в связи с чем «современная политическая коммуникация преимущественно опосредована СМИ» [5, с. 61], в то время как тексты СМИ перенимают черты политического дискурса: становятся более субъективными, нацеленными на оказание влияния на адресата. Первоначальная информационная составляющая текстов СМИ постепенно отходит на второй план, уступая место воздействию и манипуляции. Однако существуют определенные сложности с предоставлением доказательств наличия данной тенденции, так как открытым остается вопрос о возможности количественно ее определить. Нами предложен вариант решения данной проблемы следующим образом: посредством выявления средств реализации субъективной и объективной модальности и последующего расчета их процентного соотношения будет определено процентное соотношение «объективного – субъективного» в данных видах текстов.

Актуальность данного исследования объясняется необходимостью понимания степени проявления субъективного и объективного в СМИ, в которых представлены публицистические тексты, а также выявления специфики субъективной и объективной модальности в аналитической статье и политическом эссе. Новизна исследования заключается в статистической оценке проявления субъективного и объективного в политическом дискурсе.

Целью данного исследования является определение специфики использования объективной и субъективной модальности в политическом дискурсе. Материалом послужили англоязычные тексты политического эссе и аналитических статей, взятых из ведущих англоязычных изданий качественной прессы (The Guardian, The Economist, The Nation, The Washington's Post, Foreign Affairs) в период с 2010 по 2017 г.

Модальность является многоаспектным понятием и рассматривается в лингвистике с различных научных позиций. В данной статье рассматривается модальность в рамках текстоцентрического подхода (И. Р. Гальперин, О. И. Москальская, Т. В. Романова, З. Я. Тураева и др.) как субъективно-объективная категория, присущая не только предложению, но и всему тексту, и отражающая авторское видение мира, а также ценностные и эмоциональные установки общества. К объективной модальности относится все то, что имеет значение обобщения, безличности, дистанцированности от автора. При этом субъективная модальность включает в себя нечто индивидуальное, личное, выражающее авторское отношение к ситуации/проблеме, а также такие понятия, как «экспрессивность» и «эмоциональность». В результате проведенного анализа в аналитической статье и политическом эссе было установлено следующее соотношение «объективного – субъективного»: 56–44 и 33–67 % соответственно¹. Полученные результаты объясняются жанровыми особенностями данных видов текстов, а также тем, что степень усиления субъективного политическим дискурсом варьируется в зависимости от жанра. Под политическим дискурсом понимаем самостоятельный вид дискурса, основной целью которого является борьба

¹ Анализ проводился путем сплошной выборки средств реализации модальности на примере 60 аналитических статей общим объемом 387 страниц и 60 политических эссе общим объемом 443 страницы.

за власть (А. А. Карамова, О. Л. Михалева, К. В. Никитина, Д. В. Шапочкин, Е. Шейгаль), что определяет его манипулятивный характер. Манипуляцию определяем как «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [6, с. 19].

Основная часть

Аналитическая статья является сегодня одним из наиболее продуктивных жанров СМИ, способных конкурировать с новостными материалами. Большинство исследователей указывают на различия в интерпретации данного жанра в зарубежной и отечественной лингвистике. Так, исследователи указывают на усиление присутствия авторского «я» в текстах современных российских аналитических статей, в то время как за рубежом данный жанр лишен воздействующего потенциала и публицистической окраски. Кроме того, в зарубежной прессе раздел «Аналитическая статья» (или «Аналитика», присутствующий практически в каждом отечественном качественном журнале) отсутствует, а тексты, относящиеся к данному жанру, печатаются в специальном разделе “Analysis, opinion, comment” и представляют собой комментарии к разделу «Новости» (News), а также в разделах “Editorial”, “Lead”, “Cover story”, что позволяет говорить об относительной свободе жанра. Тем не менее, несмотря на влияние национально-культурной специфики на жанр, ему можно дать общую характеристику.

Аналитическая статья – публицистический текст, целью которого является полное всестороннее и глубокое освящение автором-экспертом проблемы/ситуации на основе широкого круга фактов и явлений (А. И. Акопов, М. Григорян, Е. В. Довгаль, Л. А. Теплова, А. А. Тертычный и др.), при этом мнение/позиция автора остается в стороне. Ведущими чертами аналитической статьи являются первостепенность информационной функции и фактологичность, которая проявляется как в том, что статья строится вокруг факта, так и в том, что факт выступает основным инструментом аргументации выдвигаемых автором тезисов, что позволяет ему сохранить беспристрастность в глазах читателей. Ряд исследователей определяют аналитическую статью как аргументативный текст, дающий объективное объяснение проблемы или ситуации (Н. Ansary, А. Bolívar, Е. Le), нормой для которого является содержание достаточного количества рациональных аргументов в их логической взаимосвязи для подтверждения авторского мнения [9, с. 462], что находит свое отражение в использовании автором средств выражения объективной модальности, среди которых, согласно данным нашего исследования, преобладают фактологическая информация (31 %) и парентетические вступления (составляют 20 % и служат инструментом уточнения информации), а также средства, способствующие беспристрастному аргументированию (ссылки на авторитетный источник – 13 %, цитаты – 16 %). Менее частотными являются терминологическая лексика (10,4 %), создающая эффект научности и достоверности излагаемого; личные местоимения (6 %), используемые как средство ведения диалога с читателем и придания высказыванию значения всеобщности; безличные предложения и безличные компоненты сложного предложения (3 %), пассивный залог (1,6 %), выступающие как средства дистанцирования автора от высказываемого (см. табл. 1).

Таблица 1

Средства реализации объективной и субъективной модальности
в аналитической статье

Средство реализации объективной модальности	Доля, %
Фактологическая информация	31
Парентетические внесения	20
Цитаты	16
Ссылки на авторитетные источники	13
Терминологическая лексика	10,4
Личные местоимения	6
Безличные предложения и безличные компоненты сложного предложения	3
Пассивный залог	1,6
Средство реализации субъективной модальности	Доля, %
Метафоры	21
Эмоционально-оценочная лексика	15
Эпитеты	11
Модальные глаголы	8
Парцелляция	7
Параллельные конструкции	5,5
Модальные слова	5
Инверсия	4,5
Личные местоимения	4
Эмфатические конструкции	4
Аллюзии	3
Модальные сочетания (в том числе сочетания инфинитива с модальными глаголами)	3
Ирония	2,5
Вопросно-ответные комплексы	2,5
Парентетические внесения	1,3
Сравнения	1
Риторические вопросы	1
Противопоставление	0,5
Обособления	0,1
Перечисление	0,1

Однако для аналитической статьи характерным является не только транслирование фактологической информации (статистическая информация, даты, имена, ссылки на исторические события и т.д.), но и ее обстоятельное рассмотрение, анализ, освещение обобщающей мыслью [1, с. 35], выражение мнений/позиций редакторов и издателей журнала [11, р. 28]. При этом автору зачастую не удается сохранить нейтральность и беспристрастность, что обуславливает наличие в аналитической статье такой характерной черты, как оценочность. Оценочность может проследиваться в выборе аргументов, в их подаче и зачастую в авторской интерпретации, что определяет наличие в аналитической статье субъективного начала, которое выражается за счет слов с оценочной семой, обобщения мнения отдельных лиц в «общее мнение», выборочного отбора информации, прямого указания на неуютность, сомнительность чего-либо без ссылки на субъекта высказывания, за счет использования средств усиления/ослабления категоричности, отсутствия связи между тезисом и аргументом, выборочного цитирования специалистов [10]. Данные приемы действительно имеют место в аналитических статьях, однако они сведены к минимуму, так как жанровая специфика аналитической статьи заключается в стремлении к объективной интерпретации события/явления, а доминирование субъективной оценки переводит текст в другой жанр – комментарий [3].

Тем не менее под влиянием политического дискурса оценочность все больше используется с целью воздействия на адресата, следствием чего становится усиление субъективной модальности. Так, в аналитической статье субъективная модальность, которая должна стремиться к минимуму, составляет 44 % всех средств реализации модальности. Кроме того, приводится большое количество ярких языковых средств выражения субъективной модальности, таких как метафора (21 %), эмоционально-оценочная лексика (15 %), эпитеты (11 %). При этом жанровая природа аналитической статьи, стремящаяся к объективному, определяет зачастую завуалированный способ выражения субъективного при помощи более скрытых, находящихся за пределами фокуса внимания читателя средств, к которым относятся синтаксические средства (парцелляция (7 %), параллельные конструкции (5,5 %), инверсия (4,5 %), эмфатические конструкции (4 %), вопросно-ответный комплекс (2,5 %), парентетические внесения (1,3 %), риторические вопросы (1 %)). Реже встречаются такие средства реализации субъективной модальности, как модальные глаголы (8 %) и слова (5 %), которые, как правило, выступают как средства выражения уверенности/неуверенности автора; личные местоимения (4 %), напрямую указывающие на авторскую позицию; аллюзия (3 %), ирония (2,5 %), сравнение (1 %), противопоставление (0,5 %), обособление (0,1 %), перечисление (0,1 %), модальные сочетания (3 %), выступающие в качестве трансляции авторской оценки и воздействия на адресата (см. табл. 1).

Посмотрим, как реализуется модальность в аналитической статье на примере статьи “Venezuela’s democracy is fake...” из газеты Washington Post. В качестве тезиса статьи автор доказывает, что оппозиция виновата в том, что на выборах, которые нельзя считать легитимными, победила партия, находящаяся у власти. Достаточно большое внимание автор уделяет описанию выборов, в чем ему помогают средства реализации объективной модальности: парентетические внесения и фактологическая

информация, среди которой особое место занимает статистика: “Out of the 10,800,016 votes cast, 54 percent really did go to the government. (And turnout, at 61 percent, was relatively high)” [15].

Автор приводит статистическую информацию касательно процентного распределения голосов, при этом при помощи парентетического внесения он вводит дополнительную информацию об уровне явки на выборы, ведь выборы считаются несостоявшимися, если не преодолен определенный явочный порог.

Средства реализации субъективной модальности позволяют автору нарисовать достаточно мрачную картину нарушений процесса демократических выборов, характеризуя их такими эпитетами, как “blatant”, “widespread”, “serious”, “galling”, и называя их эмоционально-окрашенным словосочетанием “dirty tricks”.

Создав, таким образом, достаточно негативный образ выборов, автор тем не менее говорит, что оппозиции удавалось победить и в худших условиях: “Venezuela’s opposition has won elections in the past even when the playing field was obviously tilted in the government’s favor” [15].

Автор использует спортивную метафору, называя политическую арену спортивным полем, создавая достаточно яркий образ наклоненного в одну сторону поля: в таком случае переиграть противника видится невозможным. Безусловно, автор гиперболизирует ситуацию для того, чтобы подчеркнуть, что ранее оппозиция выигрывала даже в самых безвыходных ситуациях. С этой целью автор также использует время Present Perfect, чтобы указать на непосредственную связь событий прошлого с настоящим. Таким образом, усиливается восприятие факта отказа оппозиции от участия в выборах как капитуляции (“The grim reality is that the opposition’s morale is at rock bottom”). В результате текущее правительство снова победило: “The government cheated, but it also won. Both things are true” [15].

Здесь автор не случайно прибегает к такому синтаксическому приему, как парцелляция, обладающему достаточно сильной экспрессивной окраской. В данном случае парцелляция позволяет акцентировать содержательную базу второй части предложения: хотя правительство и вело нечестную борьбу, но оно победило, так как в отсутствии оппозиции люди были вынуждены голосовать за него. Таким образом, видим, что автор осторожно, используя воздействующий потенциал языка, подводит читателя к мысли о том, что в последствиях сохранения у власти коррумпированного правительства виновата оппозиция.

Таким образом, несмотря на стремление аналитической статьи к объективности, находим достаточно средств реализации субъективной модальности. Несколько подругому обстоят дела в политическом эссе. Сам жанр эссе имеет синтетический характер: он вбирает в себя черты самых разных стилей и может адаптироваться к различным целям и задачам, стоящим перед автором [7]. Невозможность вписать его в какие-либо границы зачастую заставляет исследователей характеризовать его как «нежанр» [13, p. 150–151]. Политическое эссе находится на пересечении публицистического и газетного стилей. Черты публицистического стиля (экспрессивно-эмоциональный характер речи, оценочность, богатство стилистических черт и т.д.) проявляются в политическом эссе в доминировании воздействующей функции (Г. Гуд, Ж. Террас, К. де Обалдиа, В. Контарович). Вслед за О. С. Иссерс под воз-

действием мы понимаем «общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности» [4, с. 20]. Большинство исследователей едины во мнении, что автору важно не столько описать реальность, сколько «навязать свой взгляд на нее» [14, р. 142]. Для автора политического эссе важно убедить читателя «в правильности выдвигаемых положений или вызвать в нем желаемую реакцию на сказанное не столько логически обоснованной аргументацией, сколько силой, эмоциональной напряженностью высказывания, показом тех черт явления, которые наиболее эффективно могут быть использованы для достижения поставленной цели» [2, с. 336]. Из вышесказанного следует, что воздействующая функция, выраженная субъективностью и оценочностью, занимает ведущее место в политическом эссе. Влияние политического дискурса приводит не только к более яркому проявлению воздействующего потенциала эссе, но и к проявлению манипулятивной функции. Манипуляция предполагает навязывание читателю идей/мыслей, не имеющих под собой доказательной базы, а в некоторых случаях и логики. Однако они преподносятся таким образом, что читатель принимает их как непреложную истину или общеизвестный факт.

Таким образом, воздействующая и манипулятивная функции являются ведущими для политического эссе, что определяет доминирование субъективной модальности в его текстах.

Более 50 % всех средств выражения субъективной модальности (см. табл. 2) приходится на эпитеты, эмоционально-оценочную лексику и метафоры. При этом сама выборка средств несколько уже, чем в аналитическом эссе, так как основная задача автора – оказать воздействие на читателя. В связи с этим автор выбирает самые яркие и понятные читателю средства воздействия. Так, например, автор аналитических статей прибегает к более сложным аллюзиям, понятным далеко не всем читателям и требующим определенных усилий для их «считывания» (в результате воздействующий потенциал такой аллюзии будет ощутим не всеми читателями, что допустимо в случае аналитической статьи, так как ее основная задача – информирование). Автор политического эссе «не прячет» свои аллюзии, а, наоборот, выбирает наиболее яркие и понятные, так как его цель – оказать мгновенное и глубокое воздействие.

Посмотрим на примере политического эссе “Russia as it is” журнала “Foreign Affairs“, как при помощи наиболее типичных в соответствии с нашим исследованием языковых средств реализуются субъективная и объективная модальности.

Основной тезис эссе, приводимого в качестве примера, заключается в мысли о необходимости поиска путей установления связи и кооперации с российским обществом (а не с правительством), развитие у него лояльности к западным ценностям (“The United States and its allies must continue to support human rights and democracy and embrace people inside Russia fighting for those values” [12]), так как изменить Россию невозможно, пока Путин находится у власти. Для продвижения данной идеи автор прибегает к повтору как наиболее эффективному способу манипуляции. Неустанный повторение одних и тех же утверждений способствует тому, что к ним привыкают и начинают принимать их не разумом, а на веру [6].

Средства реализации объективной и субъективной модальностей
в политическом эссе

Средство реализации объективной модальности	Доля, %
Метафоры	21
Эмоционально-оценочная лексика	17
Эпитеты	15
Модальные глаголы	11
Парентетические внесения	7,5
Модальные слова	5
Личные местоимения	4
Сравнения	3,8
Риторические вопросы	3,8
Окказионализм	3,8
Вопросно-ответные комплексы	1,9
Аллюзии	1,6
Ирония	1,5
Повтор	1,5
Разговорная и сленговая лексика	1
Повелительные предложения	0,6
Средство реализации субъективной модальности	Доля, %
Цитаты	24
Ссылки на авторитетные источники	20
Парентетические внесения	17
Пассивный залог	11
Безличные предложения и безличные компоненты сложного предложения	9
Терминологическая лексика	9
Фактическая информация	6
Пословицы	5

“Washington must accept that Putin is here to stay and won’t end his assault on Western democracy and multilateral institutions anytime soon” [12].

“But real political change will likely begin only after Putin steps down” [12].

“They will have to endure stalemate for a long time, at least as long as Putin is in power, maybe even longer, depending on who succeeds him” [12].

“As long as Putin remains in power, changing Russia will be close to impossible” [12].

Видим, что автор повторяет одну и ту же мысль, лишь переформулируя ее: для серьезных политических изменений в России и налаживания внешних связей необходимо, чтобы Путин перестал быть президентом. При этом автор не дает объективных аргументов, почему налаживание политических отношений с Россией невозможно сейчас, а сама эта мысль не является, очевидно, мотивированной экстралингвистической реальностью. Однако ее многочисленный повтор в качестве истинного высказывания призван заставить читателя поверить в данную мысль.

Кроме того, образ Путина и его правительства преподносится в негативном свете, хотя все высказывания автора не имеют под собой рационального обоснования, а значит, не могут постулироваться как непреложная истина, если только мы не имеем дело с манипуляцией. Навязать читателю данную мысль помогают негативная эмоционально-оценочная лексика и яркие эпитеты: Путин угрожает США (threatens the USA), сохраняет в стране автократию (preserve autocracy at home), продолжает оккупировать Украину и посягать на демократические выборы (continues to occupy Ukraine or assault the integrity of democratic elections), обладает вместе со своими приближенными лицами средствами, полученными нечестным путем (authorities must expose the ill-gotten financial assets that Putin and his cronies have parked abroad), которые они прячут за рубежом (Russian officials and businesspeople tied to the Kremlin cannot be allowed to hide their wealth in the West). Автор также акцентирует внимание читателей на вине Путина в проблемах между Россией и США, говоря, что он назначил себя борцом против испорченного Запада: “The worldwide ideological struggle between capitalism and communism is history, but Russian President Vladimir Putin has anointed himself the leader of a renewed nationalist, conservative movement fighting a decadent West” [12].

Глагол “anoint” имеет весьма яркую эмоциональную окраску и, как правило, используется в религиозной тематике в значении «миропомазывать». Однако у глагола есть и другая важная сема – «назначать кого-то на пост», «передавать власть», в связи с чем использование этого глагола как возвратного придает предложению ироничный смысл, подчеркивает нелегитимность и нецелесообразность действий Путина.

Для усиления восприятия Путина как основного препятствия на пути нормализации отношений с Россией автор использует воздействующий потенциал метонимии, преподнося все действия России как действия Путина:

“Limiting Putin’s ability to influence U.S. elections should be priority number one. <...> If the federal government can require all cars to have seat belts, then federal authorities can require elementary cybersecurity protections such as dual authentication for all processes related to voting during a presidential election. <...> In a dozen states, including large battlegrounds such as Florida and Pennsylvania, at least some precincts lack paper trails for each ballot cast. These sloppy practices have to end. Every precinct must be able to produce a paper record for every vote” [12].

При помощи метафоры автор сравнивает возможность правительства США противостоять вмешательству России в выборы США с возможностью обязать автопро-

изводителей выпускать автомобили с ремнями безопасности. С одной стороны, данная метафора нацелена на демонстрацию нежелания правительства США принять столь простые меры безопасности к действию, а с другой – призвана обесценить действия Путина: чтобы им противостоять, не нужно никакой специальной подготовки или знаний.

Однако текст всегда стремится к трансляции объективной информации. Политическое эссе не является исключением: под влиянием газетного стиля важная роль в нем отводится объективной модальности. К стилеобразующим характеристикам газеты относятся шаблонность, порождаемая ориентацией на массового читателя, однородность грамматических структур, а также ведущая роль информационной функции, что обуславливает стилистическую сухость, безэмоциональность газетного стиля, нацеленного на объективное информирование читателя. Именно данные стилеобразующие черты газеты определяют наличие в политическом эссе объективной модальности. В ядре средств реализации объективной модальности находятся цитаты, ссылки на авторитетный источник и парентетические внесения. Посмотрим, как реализуется объективная модальность при помощи данных средств.

“The implicit bargain that Putin had struck with Russian society during his first two terms – high economic growth in return for political passivity – was unraveling” [12].

В данном случае автор прибегает к парентетическому внесению для того, чтобы уточнить, о какой сделке идет речь. Читатель, не следящий за антироссийской риторикой в западных СМИ, может не сразу понять смысл данного предложения, поэтому важен небольшой комментарий.

Опровергая тезис о том, что расширение НАТО было знаком для ужесточения внешней политики России в отношении США, автор ссылается на слова Билла Клинтона о том, что США после окончания холодной войны делали активные попытки построить стратегический альянс с Россией: “After the end of the Cold War, U.S. presidents were truly committed to, in Bill Clinton’s words, “a strategic alliance with Russian reform” and Russia’s integration into the international system” [12].

Ссылка именно на слова Билла Клинтона не случайна, так как он является одним из самых успешных с точки зрения внешней политики президентов США, которому удалось наладить отношения со многими странами. В связи с этим его мнение можно считать весьма авторитетным.

Выводы

В современном дискурсе СМИ под влиянием политического дискурса, который по своей природе субъективен, прослеживается усиление воздействующей функции. Степень влияния политического дискурса варьируется в зависимости от жанровой специфики текста. В аналитической статье данная тенденция приводит к усилению воздействующей функции, а в политическом эссе – к ее выдвигению на первый план, а также к проявлению манипулятивной функции, что оказывает влияние на соотношение «субъективное – объективное» в данных видах текстов и на средства реализации модальности. Так, в аналитической статье, стремящейся к объективности, средства реализации субъективной модальности составляют 44 % от общего числа. Наблюдается выдвигание на первый план ярких языковых средств, таких как метафора, эпитет, эмоционально-оценочная лексика. Кроме того, важное место за-

нимают синтаксические средства, которые позволяют автору более завуалированно воздействовать на читателя, что соответствует жанровой специфике аналитической статьи. В политическом эссе, где воздействующая функция становится ведущей, средства реализации субъективной модальности преобладают и составляют 67 % от общего числа. При этом автор выбирает самые экспрессивные и понятные читателю средства воздействия, поэтому более половины из них приходится на эпитеты, эмоционально-оценочную лексику и метафоры.

Литература

1. Бекасов Д. Г. Корреспонденция, статья – жанры публицистики. М.: Московский государственный университет, 1972. 76 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2008. 137 с.
3. Довгаль Е. В. Аналитическая статья как разновидность медийного дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. 2011. № 9. С. 357–361.
4. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2009. 224 с.
5. Карамова А. А. Современный политический дискурс: конец XX – начало XXI в.: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2013. 411 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
7. Никонова Е. А. Функциональный аспект политического эссе (на примере англоязычного политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 146–151.
8. Реснянская Л. Л. СМИ и политика. М.: Аспект Пресс, 2007. 254 с.
9. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной журналистики. М.: Ладомир, 2016. 672 с.
10. Фролова И. В. О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 138–143.
11. Christopher K. The Complete Idiot's Guide to Journalism. Penguin: Alpha, 2007. 128 p.
12. Faul M. Russia as it is // Foreign Affairs. 2018. July/August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2018-06-14/russia-it> (accessed: 12.12.2018).
13. Snyder J. Prospects of power: tragedy, satire, the Essay, and the Theory of genre. Kentucky: The University Press of Kentucky, 2015. 248 p.
14. Terrasse J. Rhétorique de l'essai littéraire. Montréal: PUQ, 1977. 158 p.
15. Toro F. Venezuela's democracy is fake // Washington's Post. 2017. URL: <https://clck.ru/EVsMe> (accessed: 12.12.2018).

References

1. Bekasov D. G. *Korrespondenciya, stat'ya – zhanry publicistiki: uch.-metod* [Report, article as genres of political journalism]. Moscow: Moscow University publishing house, 1972. 76 p.
2. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as the object of linguistic analysis]. Moscow: URSS, 2008. 137 p.
3. Dovgal' E. V. *Analiticheskaya stat'ya kak raznovidnost' medijnogo diskursa* [Analytical article as a variety of mass discourse]. *Yazyk. Tekst. Diskurs. Nauchnyj al'manah Stavropol'skogo otdeleniya RALK* [Language. Text. Discourse. Scientific miscellany of Stavropol department of RALK], 2011, no. 9, pp. 357–361.
4. Issers O. S. *Rechevoe vozdejstvie: uchebnoe posobie* [Verbal impact: schoolbook]. Moscow: Flinta, 2009. 224 p.
5. Karamova A. A. *Sovremennyj politicheskij diskurs: konec XX – nachalo XXI v.: dis... d-ra filol. nauk* [Modern political discourse: end XX – beginning XXI century: Dr. dis.]. Ufa, 2013. 411 p.
6. Kara-Murza S. G. *Manipulyaciya soznaniem* [Mind manipulation]. Moscow: Eksmo, 2005. 832 p.

7. Nikonova E. A. Funkcional'nyj aspekt politicheskogo ehsse (na primere angloyazychnogo politicheskogo diskursa) [Political essay's functions (by the example of the English political discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theory and practice], 2018, no. 8–1 (86), pp. 146–151.
8. Resnyanskaya L. L. *SMI i politika* [Media and politics]. Moscow: Aspekt Pres, 2007. 254 p.
9. Tret'yakov V. T. *Kak stat' znamenitym zhurnalistom: Kurs lekcij po teorii i praktike sovremennoj zhurnalistiki* [How to become a famous journalist]. Moscow: Lodomir, 2016. 672 p.
10. Frolova I. V. O vyrazhenii sub"ektivnosti v analiticheskikh stat'yah kachestvennoj britanskoj i rossijskoj pressy [Subjective implementation in analytical articles of high-quality British and Russian media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2015, no. 1 (51), pp. 138–143.
11. Christopher K. *The Complete Idiot's Guide to Journalism*. Penguin: Alpha, 2007. 128 p.
12. Faul M. Russia as it is. *Foreign Affairs*, 2018, July/August. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2018-06-14/russia-it> (accessed: 12 December 2018).
13. Snyder J. *Prospects of power: tragedy, satire, the Essay, and the Theory of genre*. Kentucky: The University Press of Kentucky, 2015. 248 p.
14. Terrasse J. *Rhétorique de l'essai littéraire*. Montréal: PUQ, 1977. 158 p.
15. Toro F. Venezuela's democracy is fake. *Washington's Post*, 2017. Available at: <https://clck.ru/EVsMe> (accessed: 12 December 2018).

Для цитирования: Никонова Е. А. Средства реализации модальности в тексте СМИ (на примере англоязычного политического эссе и аналитической статьи) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 1 (88). С. 86–97. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-1-88-9

For citation: Nikonova E. A. Modality implimentation in media texts (by the example of political essay and analitical article). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 1 (88), pp. 86–97. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-1-88-9